

В сказаниях об Энмеркаре и владетеле Аратты привлекает внимание одно из древнейших упоминаний дальней меновой торговли, которую с первых времен своего существования вынуждены были вести шумерские поселения и города для того, чтобы обеспечить себя металлом и камнем. Караваны и лодки с зерном направлялись правителями шумерских городов в весьма отдаленные области Ирана, а может быть, и Индии, где зерно обменивалось на металл, драгоценности, камень¹⁶. Понятно, что создавались весьма благоприятные условия для распространения элементов шумерской материальной культуры далеко за пределами Шумера. В связи с этим, интересно упоминание среди товаров, приобретаемых в Аратте, лазурита, единственное месторождение которого, разрабатывавшееся в древности, было расположено в Бадахшане. Лазурит чрезвычайно ценился в Шумере. В одной из поэм в честь Энлиля центральный храм Ниппура Экур назван «лазуритовым домом»¹⁷. Археологические данные указывают на значительные поступления бадахшанского лазурита в Шумер¹⁸.

Нельзя не отметить также, что археологи, работающие в юго-западных районах Средней Азии, все чаще говорят о связях неолита и ранней бронзы этой области с синхронными культурами Ирака и западного Ирана¹⁹. Конечно, очень сомнительна прямая связь столь отдаленных районов, но опосредствованные связи были, по всей вероятности, достаточно сильны.

Новый интересный материал, который вводит книга Крамера в научный обиход, делает эту книгу большим событием в развитии шумерологии. Несмотря на ряд существенных недостатков, главнейшими из которых являются модернизация некоторых аспектов трактовки шумерского эпоса как исторического источника и «рекламный» характер изложения, книга Крамера отражает большие успехи шумерологии за 25-летний период.

С. М. Бацеева

АРАБЫ В СИРИИ ДО ИСЛАМА

R. DUSSAUD. La pénétration des arabes en Syrie avant l'Islam, P., 1955, 234 стр., илл. (Institut français d'archéologie de Beyrouth. Bibliothèque archéologique et historique, т. LIX)

Новый труд Дюссо представляет итог научных исследований, проводившихся с начала двадцатого века при активном участии автора книги. Уже в результате первых лет своей деятельности Дюссо опубликовал в 1907 году работу¹, само заглавие которой почти не отличается от заглавия той, разбору которой посвящается настоящая заметка.

Эта первая работа, естественно, базировалась преимущественно на том материале, который зафиксировал во время посещения всего двух районов Южной Сирии, Сафа

¹⁶ О шумерийско-индийских связях см. S. Piggot, *Dating the Hissar Sequence — the Indian Evidence*, «Antiquity», XVII (1943), стр. 178; C. Picard, *De l'Indus aux Pays Sumerians*, RA, VI, sér. 10 (1937), стр. 253.

¹⁷ S. N. Kramer, *Sumerian theology and ethics*, «The Harvard theological review», XLIX (1956), № 1, стр. 54.

¹⁸ Г. Чайлд, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, М., 1956, стр. 185, 202, 205, 210.

¹⁹ «Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР», М., 1956, стр. 60; В. М. Массон, *Джейтун и Карадепе*, СА, 1957, № 1, стр. 146—147; А. В. Виноградов, *К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры*, СЭ, 1957, № 1, стр. 44.

¹ R. Dussaud, *Les arabes en Syrie avant l'Islam*, P., 1907.

и Джебель Друза², молодой тогда Дюссо. Фактический материал, имевшийся в его распоряжении, охватывал относительно позднее время. Тогда большая часть его высказываний о раннем проникновении арабов в Сирию представляла поэтому всего лишь гипотезы.

Многое из того, что в начале века казалось беспочвенной фантазией Дюссо, получило бесспорное, документальное подтверждение. Множество работ, в том числе работ самого Дюссо, посвящено за последние полвека отдельным темам, впервые поставленным им в молодости, а ныне так или иначе отраженным в его последнем труде.

Композиция рецензируемой книги весьма своеобразна. От хорошо известного или достаточно точно устанавливаемого Дюссо идет вглубь веков, к наиболее гипотетическому. От географических, климатических и этнографических условий (глава I) автор переходит к двум обширным главам (II—III) о набатеях; затем — к главе IV о пальмирцах и их стране и к главе V — о южных арабах в Сирии, т. е. о лихьянитах, самудийцах и сафаитах, а также о взаимоотношениях арабов с Римом и ранней Византией. Только после этого, как бы дойдя до исторического предела своего исследования и проследив судьбы арабов до начала средних веков, Дюссо обращается к самому раннему времени, к предыстории и к ранней истории семитских народов в Сирии, и посвящает последнюю, пятую главу евреям, арамеям, ханаанеям.

Первая глава построена на категорическом отрицании изменений в климате, то есть в природных условиях Аравии и Сирии, как ее части, на протяжении последних тысячелетий (стр. 18). Это положение доказано в настоящее время целым рядом научных исследований (Глюк — для Заиорданья и Негеба; Гарднер — для Хадрамаута; Шалем — для Палестины, и т. д., из которых Дюссо привлекает только последнее); но еще недавно преобладала обратная точка зрения: так, Батлер объяснял упадок Гаурана и Заиорданья резким изменением климата, будто бы происшедшим незадолго до возникновения ислама. Даже во Всемирной истории Академии наук допущена возможность климатических изменений, как фактора, способного объяснить резкие колебания в населенности и плодородности Аравии в течение веков. Между тем тезис о неизменности климата должен, по нашему мнению, иметь большое теоретическое значение, позволяя считать человеческую деятельность основным фактором в преобразовании пустынь. Он имеет одинаково важное значение для правильного, на наш взгляд, понимания культуры и истории как Йемена, так и Сирии. Вместе с тем, этот тезис позволяет Дюссо использовать наблюдения над соотношением современных кочевых, полукочевых и оседлых арабов для суждения об их далеких предках и для установления, что резкие различия в природных условиях являлись и являются до наших дней причиной постоянных перемещений, — притом неизменно идущих в направлении с юга на север, из обширных пустынь к недостаточным по площади оседлым районам (а не наоборот, например, из перенаселенной Месопотамии в пустыню, как еще недавно полагали некоторые зарубежные авторы).

Во второй главе рассматривается равняя история набатеев в Южном Заиорданье и по заливу Акаба, вокруг наиболее изученных древних центров — Петры и Хиджры. Время появления набатеев в южной Палестине определяется лишь ориентировочно, по косвенным указаниям, или *ex silentio*; как известно, вопрос усложняется наличием племени того же наименования в районе Дедана (современной аль-Элы). Дюссо считает возможным расселение набатеев к Востоку от Акабы и от Вади Араба уже в VII в., а в VI в. — в связи с вовлечением первоначального населения Эдома в поход Навуходоносора на Иерусалим. Центром набатеев стало расположенное в массиве аш-Шара, на высокой скале Умм аль-Бийара, горное гнездо Зела (то-есть скала, отсюда латинское — Петра). Высокое нагорье у подножья Бийары, защищенное кольцом других скал, стало местом загона стад и отдыха караванов. Петра превратилась постепенно в главный центр караванной торговли, а двукратные посягательства Антигона заставили укре-

² R. D u s s a u d et Fr. M a c l e r, Voyage archéologique au Safâ et dans le Djebel ed-Drûz, P., 1901.

пить его целой системой фортов, дозорных пунктов и оборонных стен; таким образом, Дюссо объясняет происхождение Петры, как города и крепости, эллинистическим натиском 312 года (стр. 23). Дюссо различает полукочевых арабов, какими были набатеи IV века, по Диодору Сицилийскому, от набатеев оседлых и организованных в государство (стр. 24), но не углубляет вопроса.

В последние века до н. э. и в I в. н. э. набатеи были высококультурным народом, который способствовал значительному расширению культурной зоны на Восток. О том, насколько полно учитываются в монографии Дюссо новейшие научные данные, можно судить хотя бы по тому, что он оперирует еще не опубликованными набатейскими рукописями Кумрана (стр. 29)³. До этого открытия были известны только бесчисленные наскальные надписи в населенных пунктах и по караванным тропам пустыни. Дюссо справедливо отмечает, что присутствие набатейских папирусов в библиотеке еврейской секты является прямым указанием на вклад набатеев в культуру не только Заиорданья, но и Западной Палестины.

Наряду с выяснением торговых путей и роли набатеев в трансаравийской торговле Дюссо уделяет должное внимание роли земледелия и виноделия в их экономике, о чем ясно свидетельствуют указания Страбона, надпись гробницы в Вади-Туркмание и следы гидротехнических устройств не только в Петре, но и во множестве более мелких населенных пунктов.

Отдельный параграф посвящен культу, в частности, знаменитой гробнице аль-Хасне, и двум ее *нефеш* — усеченным пирамидам, венчающим все сооружение, в соответствии с двумя погребальными камерами по бокам среднего зала, который, как считает Дюссо, является погребальным триклинием. В ордерном декоре гробницы Дюссо видит александрийское влияние, которое, по его мнению, держалось в Сирии очень долго, но которое было подчинено семитической религиозной идее, овеществленной в *нефеш*'ах как этой, так и некоторых других гробниц. Аналогичное значение придается финикийским *мегазил*'ам и погребальным башням Пальмиры, которые Дюссо считает такими же чисто сирийскими произведениями ставших оседлыми арабов, как и гробницы Петры с их *нефеша*'ми.

Очень интересны страницы о местах культа и о божествах набатеев. По поводу «горних мест» Петры и их устройств Дюссо обращает особое внимание на описание жертвоприношения в книге Левит и в текстах Рас-Шамры и на сопровождавшую его культовую трапезу; за отсутствием в безлесных горах достаточного количества леса, как у набатеев, так и у древних евреев жертву не сжигали, а съедали сообща, с предполагавшимся участием в трапезе самого божества. Святилища и бесчисленные триклинии набатеев в Петре как бы устроены для жертвоприношений и трапез, вероятно, совершенно сходных с описанными в самых ранних частях Библии.

К сожалению, Дюссо мало использовал работы Хорсфильдов и Глюка; так, не дано столь необходимого сопоставления их работ с предшествовавшими работами Дальмана; остается неясной точка зрения Дюссо на то, какие именно скальные сооружения следует считать храмовыми триклиниями, а какие — триклиниями бытовыми или же культовыми, но в составе жилого дома. Между тем, решение этого вопроса имело бы очень большое значение, так как у Дальмана получается картина города, чуть ли не наполовину состоящего из святилищ. Если Дальман был прав, то значит большая часть населения Петры жила по старому обычаю кочевников — в палатках, а не в скальных домах, как доказывают новейшие исследования. Такое утверждение свидетельствовало бы о гораздо более низком уровне городской культуры у набатеев, чем он представляется по работам супругов Хорсфильд и отчасти Глюка.

Вопрос о скальном жилище в его сочетании с палатками и с жилищем, построенным из камня, совсем не разработан у Дюссо. А между тем комплексы Кумрана и Арак аль-Эмира могли бы дать целый ряд аналогий с комплексами набатейскими и тем самым способствовать доказательству одного из основных тезисов Дюссо — о коренном

³ Ср. «Syria», XXX (1953), 1—2, стр. 180; К. Б. Старкова, Рукописи из окрестностей Мертвого моря, ВДИ, 1956, № 1, стр. 97.

родстве евреев с арабами. В торговле продуктами, привозившимися из Южной Аравии, огромную роль играла набатейская Хиджра (современный Медаин-Салах) поблизости от процветавшей с незапамятных времен южноаравийской колонии Дедан. О богатстве караванной Хиджры свидетельствуют скальные гробницы, уступающие по числу и разнообразию только гробницам самой Петры; они подробно изучены Жоссе-ном и Савильяком, работу которых Дюссо упоминает. К сожалению, не указывается та большая роль, которую эта работа (о гробницах и надписях Медаин-Салех) сыграла в рассмотрении гробниц самой Петры; если авторам и не удалось дать ключ к решению очень сложного вопроса об их датировке, то они по крайней мере опровергли широко известные, но произвольные построения и датировки Виганда, основанные на стилистических признаках.

Глава третья называется «Набатей и Заиорданье», что не отвечает ее содержанию, так как глава начинается хронологической таблицей набатейских царей, которая фактически должна была бы относиться ко всему тексту о набатеях, то есть к двум главам, второй и третьей, вместе взятым. Кроме того, в эту главу попал также и материал о лахмидской династии Хира, отделенной по крайней мере двумя веками от конца набатейского царства.

Очень интересно предположение (стр. 55), развитое также в добавлениях (стр. 211), о том, что после официальной ликвидации набатейского царства (106 г. н. э.) правил еще один царь, Малик III (106—126 гг.), владения которого находились, по-видимому, к югу и к юго-западу от Мертвого моря, т. е. в Негебе; последние полевые работы Глюка устанавливают интенсивность набатейской культуры именно в этом районе. Дюссо считает, что набатейская торговля должна была продолжаться в этом позднем периоде в обход захваченной Римом территории, то-есть через Мадан и Негеб к Газе и в Египет. Дюссо связывает с этой торговлей целый ряд «синайских» надписей.

Чрезвычайно интересны страницы, посвященные деятельности лахмидских филархов Хира, то-есть относительно позднему периоду в истории доисламских арабов и Сирии. Перескочив через период преобладания Пальмиры, которому посвящена IV глава, Дюссо рассматривает этот вопрос в главе «Набатей в Заиорданье». В дальнейшем (стр. 139), возвращаясь к «арабским династиям Хирь», Дюссо утверждает, что Рим должен был заключить с ними союз не позднее конца III в., вскоре после падения Пальмиры. Здесь (стр. 63) использована надпись Лахмида Амрулька, которую Дюссо уже давно обнаружил в ан-Немара. Целым рядом указаний, прямых или косвенных, в настоящее время уже доказывается высказанное им в начале века предположение о дате надписи (328 г.) и о роли филарха Амрулька в сложных перипетиях того времени. Так, упомянутый в надписи победоносный поход Амрулька на Неджран, находившийся тогда под властью Шамира, вновь подтверждает датировку надписи IV веком, так как место Шамира Юхариша среди химьяро-сабейских царей уже не возбуждает в настоящее время сомнений⁴. Вместе с тем пехлевийская надпись из сасанидского Пайкули и коптские папирусы дали имена других филархов-Лакмидов, правивших в Гира с конца III до начала V в. н. э. и простиравших свою власть до Сирии. Дюссо дает примерную хронологическую табличку филархов (стр. 65, по Дотштейну). Интересно, что в отличие от набатейских надписей, в надписях этих царей нет никаких упоминаний об языческих божествах, что позволяет предполагать их приверженность христианству, по крайней мере формальную.

Значение надписи Амрулька чрезвычайно велико также и в том отношении, что, будучи исполнена набатейским, то-есть арамейским шрифтом, она является первой известной науке надписью этих районов, составленной на арабском языке; таким образом, эта надпись является знаменательной вехой на пути растущего самосознания обитавших в Сирии арабских племен, которые в это время объединялись под властью филархов.

⁴ J. R u s k m a n s, *L'institution monarchique en Arabie méridionale avant l'Islam (Ma'in et Saba)*, Louvain, 1951, стр. 210—215; 311—312 (по надписи RES. 483); 388 (список С).

Весьма интересна также трактовка вопроса о древнейших арабских замках в Сирии. Дюссо уже давно зафиксировал поблизости от гробницы ан-Немара еще и развалины Каср аль-Абиад («Белого замка»), который он считает резиденцией того же Амрулька. Орнаментика на фрагментах из этого замка необыкновенно близка к набатейской и, вместе с тем, к орнаментике другого, близлежащего и еще более замечательного замка, известного в литературе под современным названием Мшатта.

С повестки дня в течение многих десятилетий не сходит вопрос о датировке Мшатты, которую относят то к филархам, то к омейядам. В последние десятилетия, после опубликования работы Крешуэля, в популярной литературе принята датировка его ранне-омейядским временем. Однако целый ряд авторов, главным образом французских и немецких, не приняли датировки Крешуэля; Кюмон, Клермон-Ганно, Сейриг, Милле, Шнейдер, Альтхейм и другие продолжают находить все новые и новые доказательства для ранней и даже относительно очень ранней датировки замечательного замка. Вопрос этот имеет большое принципиальное значение: если Мшатта действительно создана филархами, да еще равными, значит в Сирии уже задолго до ислама создавались замечательные произведения, несомненно арабские по своему сходству с набатейскими и с омейядскими.

Дюссо неизменно относил Мшатту к ранним филархам, то-есть к Лахмидам, считая ее постройкой или самого Амрулька, или его наследника; он многократно возвращается к этому столь важному вопросу и в данном труде (стр. 58, прим. 5; 65—69; 81; 142, прим. 6). Однако Дюссо строит свои доказательства почти исключительно на стилистическом и иконографическом анализе декора Мшатты. Ему, по-видимому, осталось неизвестным весьма важное указание Шнейдера, единственного, который производил в Мшатта настоящие раскопки. Шнейдер не успел закончить и опубликовать свои исследования; однако Альтхейм дважды возвращается к вопросу о дате Мшатты и приводит личное письмо ныне покойного византолога А.-М. Шнейдера, с несомненностью свидетельствующее об относительно очень ранней дате — скорее всего о IV в. н. э.⁵

Дюссо правильно указывает, что план главного зала Мшатты явно западного происхождения, а весь план в целом своеобразен и не похож на всегда гораздо менее значительные замки ранне-омейядского времени. Однако Дюссо не приводит совсем недавно открытых памятников этого рода, в частности, огромной и великолепно отделанной виллы в районе Этны (в Сицилии) — так называемой Piazza Armerina, (начало IV в.), где не раз встречается многоконховый план; трехконховая схема применена там для одной из частей многоконхового триклиния, что должно свидетельствовать о широком тогда распространении этой схемы в Италии. Первый известный нам пример — трехлопастное здание около Пойкиле на вилле Адриана — недавно изучен, причем установлено, что это здание было запроектировано с одной апсидой, а боковые — добавлены позднее, в процессе постройки⁶. Таким образом следует считать, что трехлопастный план развивался на Западе. На Востоке же трехлопастный план появляется поздно, например, в поздне-сасанидском дворце VII века в Кише (и в коптских монастырях Египта. — С. К.), и притом в форме, указывающей на то, что зал Мшатты не моложе, а старше их. Мшатту следует, таким образом, считать не омейядской, а лахмидской постройкой, что свидетельствует не только о военной мощи, но и о высоком уровне арабской культуры при филархах-Лахмидах, в начале IV в. н. э.

Если зачинателями регулировки в передвижении племен и в караванной торговле на всех путях к Средиземному морю были набатеи, а подвластные царям Хира лахмиды

⁵ Fr. Altheim, *Literatur und Gesellschaft im ausgehenden Altertum*, I, Halle, 1948, стр. 254 сл.; он же, *Niedergang der alten Welt*, I, Frankfurt, 1952, стр. 136 и примеч. 105/а; стр. 143 и примеч. 197/а; стр. 145, с обещанием публикации раскопок Шнейдера.

⁶ H. Kahler, *Nadrian und seine villa bei Tivoli*, В., 1950, стр. 122—126 и табл. 8—10. Другой пример — здание на римской агоре в Коринфе (II в. н. э.) — ВСН, 1947—1948, стр. 397 и генеральный план.

составляли как бы «полицию пустыни» в IV в. н. э., то в промежуточный период, во II—III вв. н. э., эта роль выполнялась Пальмирой, которой посвящена четвертая глава исследования Дюссо.

Уже в далекой древности, во II тысячелетии, Пальмира (Тадмор) была важным этапом караванной торговли; судя по текстам, Тадмор зависел от Мари и был населен арабскими племенами. С IX или даже с X в. здесь, как и во многих районах, для внешних сношений был принят арамейский язык, сохранивший свое значение до самого падения Пальмиры. После установления римской власти во всей Сирии Пальмира восприняла не только регулирующую роль набатеев на путях в пустыне, но и связалась через Персидский залив с долиной Инда и заместила набатеев в гавани на о-ве Кос. Отсюда сказочное богатство пальмирцев и их построек, лучших во всей Римской империи II—III веков н. э., отсюда претензии Пальмиры на власть над всем Востоком и ее гибель. Изучая личные имена и культы, Дюссо убедительно доказывает, что Пальмира была городом арабов, преемником Петры в роли центра караванной торговли, осуществлявшейся и руководимой очень сложной организацией арабских родов Пальмиры.

При анализе торговых путей Пальмиры Дюссо устанавливает наличие арабского населения и арабских династий также в целом ряде центров Передней Азии, в частности, в Эмесе (современный Хомс), где главные предметы царского захоронения свидетельствуют о беспорядочном смешении классических и местных — сирийских мотивов.

Особое внимание обращено на Русафу, которая тоже издавна была центром караванной торговли; однако в отличие от Пальмиры, расположенной в богатом источниками оазисе, Русафа не имела ни источников, ни обычных колодцев и была слишком удалена от Евфрата, чтобы пользоваться его водой. Водоснабжение Русафы изучалось Мюзилем, а также Пуадебаром и Коломбье; глубина колодцев достигала здесь 40—50 м, что встречается только в самой Аравии, где она достигает иногда 80 м.

Но главным источником водоснабжения были огромные подземные пещеры, куда стекалась дождевая вода со всего бассейна соседнего Вади-ас-Села. Таким образом, система водоснабжения, существовавшая издревле в Русафе, чисто арабская, и не могла не поразить Диодора Сицилийского, представителя хотя и высокой, но совсем иной культуры. Только через тысячу лет, когда Русафа стала центром интенсивного паломничества к мощам похороненных здесь Сергия и Бакха и была тогда переименована в Сергиополис, эти полуестественные пещеры были заменены прекрасными цистернами, сохранившимися до наших дней. Опять сильно забегаая вперед, Дюссо посвящает несколько страниц (стр. 87—88) христианской Русафе и ее памятникам.

Русафа пользовалась особым покровительством и почитанием: сюда посылал дары Хосрой, сюда стекались незадолго до провозглашения ислама арабы-христиане, особо почитавшие именно Сергия. У Якута есть прямое указание на особый интерес, проявлявшийся к Русафе также и Хишамом, резиденция и могила которого находятся здесь; Якут даже называет город «Хишамовой Русафой». На указание некоторых авторов, что в Русафе нет арабских зданий, Дюссо отвечает, что это кажущееся отсутствие легко объясняется недостаточностью раскопок: дворец Хишама должен был быть вне стен, там, где аэрофотосъемкой выявлены засыпанные фундаменты и где разбросано множество фрагментов керамики (стр. 88, прим. 8). Это указание Дюссо оказалось пророческим: как сообщает Парро в отзыве о рассматриваемом труде, первые же недавние раскопки выявили наличие арабских построек вне стен Русафы⁷.

В главе об арабских культах Пальмиры выявляется наличие в ее пантеоне арабских божеств, хотя и оттесненных на второй план богами официальными, городскими, вроде Бела с его ипостасями; Дюссо убедительно объясняет это обстоятельство долгой оседлостью. В отличие от Эйсфельта и других авторов Дюссо не признает равнозначности Бела и Беелшамина. В то время, как Белу посвящен главный храм Пальмиры, Беелшамин имел другой, особый храм, который в момент публикации книги еще толь-

⁷ А. Паррот, «Syria», XXXII (1955), № 3—4, стр. 322.

ко раскапывался; однако уже было выявлено, что это не маленькое, как предполагали сначала, а значительное здание с колоннадами (см. добавление к стр. 98 на стр. 211). Дюссо говорит о большой популярности среди арабских племен именно Беелшамина, которого подразумевали, когда обращались к «рахману», к «гаду», к «анонимному» богу и т. д., и когда посвящали ему бесчисленные, тоже анонимные пиреи. А вне самого города, в северо-западной Пальмирене, надписи и пиреи посвящались всевозможным арабизированным богам, а также богам чисто арабским — покровителям караванов и населенных мест, с Аллат, а не с Белом во главе. Дюссо присоединяется к тезису Шлумберже (стр. 104), что в северо-западной Пальмирене господствуют божества пустыни, не связанные первоначально с городом, но со временем активно проникающие туда.

Очень интересен материал, взятый из диссертации Шлумберже⁸, в частности, о храме Абгала, воздвигнутом вождем Абгалом и посвященном родовому богу-наезднику Абгалу.

Храм Абгала в Кирбет-Семрин, план которого повторен у Дюссо (рис. 24), развивался из целлы, из грота с бетилом, и из обширного двора. Почитатели святилища постепенно добавили целый ряд триклиний и пожертвовали множество рельефов и посвящений. В храме Абгала, примитивном и непритязательном, особенно ясно прослеживается весь процесс арабского жертвоприношения, сопровождавшийся приготовлением еды из жертвенного мяса и общей трапезой в триклиниях, скамьи вдоль стен которых явственно назначались для пиршества.

Дюссо сопоставляет храм Абгала с более ранними, существовавшими со II в. до н. э. на Делосе культовыми триклиниями, построенными для арабов и сирийцев из Берита, соблюдавших свои древние обычаи при измененном имени бога (Посейдон, стр. 105). К тому же арабскому (а не парфянскому, как думал Ростовцев) типу относит Дюссо также и многочисленные храмы с триклиниями в Дура-Европос и в Петре (стр. 106).

Однако этот вопрос хотелось бы и можно было бы поставить гораздо шире. Следовало бы упомянуть также и многочисленные храмы Хатры, которые все (кроме примыкающего к так называемому дворцу) относятся к тому же типу храма, в основе которого лежит двор и триклинии для культовых трапез. Здесь хотелось бы указать также и на сходные в принципе, но более сложные набатейские храмовые комплексы в Кирбет-Таннур, Сейя-Си и на многие другие. Здесь следовало бы упомянуть также о храме в Эй (ат-Телль), восходящем к III тысячелетию, в котором сам Дюссо раскрыл эту первичную схему семитского храма, с примитивными, но все же явными устройствами для культовой трапезы⁹. Такой ряд памятников помог бы автору показать еще раз, и притом ощутимо и убедительно, тесную связь ханаанейских, набатейских и пальмирских культов и культовых построек.

Далее Дюссо подробно анализирует один из рельефов главного пальмирского храма — храма Бела, причем выясняется, что даже в этом, наиболее «романизированном» храме обнаруживается чисто арабское содержание, по крайней мере одного из рельефов. Вслед за Сейригом¹⁰ Дюссо видит на этом рельефе изображения арабской процессии (*таваф*) со священным камнем, одетым в чехол из красной кожи, на верблюде, ведомом спустившимся с осла вождем или жрецом, и с двумя группами женщин, закутанных по арабскому обычаю в покрывала. Описание этого рельефа связывает главу о Пальмире со следующей главой.

Пятая глава, где соединены материалы о лихьянитах, самудийцах и сафаитах, начинается красочным описанием Южной Аравии, откуда пришли в Сирию все эти племена. Краткое изложение работы Рикманса о монархии в Южной Аравии (см. выше) сопровождается, однако, предложением резко снизить дату первых *мукарриб*'ов Сабы

⁸ D. Schlumberger, La Palmyrène du Nord-Ouest, P., 1951.

⁹ J. Marguet-Krause, Les fouilles de 'Ay (et-Tell), 1933—1935, P., 1949, с обширным введением Дюссо.

¹⁰ «Syria», XV (1934), № 1, стр. 159.

Последние работы Жамма и Олбрайта не давали оснований для такого снижения, они скорее позволяли датировать старейшую южноарабскую надпись из Вади Бейхан IX или даже X веком, а надписи первых муккаррибов Сабы — VIII веком¹¹. Дюссо же опирается на исследование Жаклин Пиренн, которое позднее получило значительное развитие в ряде ее статей и в монографии¹², поставивших под вопрос предшествующие предположения об абсолютной хронологии надписей и отраженной в них истории Южной Аравии. Предполагаемое Пиренн снижение дат сделало бы возможным влияние греческого шрифта на арабский.

Громадное распространение среди сабейцев теофорных имен, производных от имени Эла (Ила) свидетельствует, что в начале I тысячелетия этот древнейший бог уступил свое место Илумку (по другой огласовке — Алмака), главному богу Сабейского царства, в состав имени которого тоже входит имя Эл (Ил); Дюссо считает (стр. 128), что Илумку — всего лишь сабейское название общесемитского Эла (Ила). О южноаравийском ритуале известно, что в него входили молитва, исповедь грехов, жертвоприношение. Сравнивая эллиптический план огромного храма Илумку около Мариба с планом первоначального святилища Каабы в Мекке, Дюссо объясняет план обоих тем, что главной составной частью языческого ритуала, включенного потом в ритуал ислама, были обходы (*таваф*) вокруг культового объекта (*бетил*'а Каабы). В дополнение к указанию Дюссо следует отметить, что эллиптический храм около Мариба далеко не единственный. Это представитель древнейшего типа южноаравийского храма вообще; два таких же храма давно известны на Сабейской территории и один — на Гадрамаутской¹³.

К сожалению, в вопросе о южноарабских святилищах и надписях Дюссо слишком доверялся отчетам Жамма и Олбрайтов (старшего и младшего); дело в том, что первоначальная публикация надписей Жамма и «приключенческий роман» Филиппа¹⁴ составлены так, как если бы авторы были первооткрывателями Марибского храма и его надписей. В действительности же Марибский храм, как и три других эллиптических храма, не только давно открыты, но и их надписи опубликованы и прокомментированы еще основоположниками науки о древней культуре Южной Аравии, Глазером (1913) и Родоканакисом (1917)¹⁵. Досадно, что такой крупнейший ученый, как Дюссо, попался на удочку фальсификаторов истории науки, тем более, что наличие не одного, а по крайней мере четырех древнейших храмов с эллиптическим планом, с особой силой свидетельствует в пользу тезиса Дюссо о широчайшем распространении сохранных в исламе культовых «обходов».

Сведения о лихьянитах, самудийцах и сафаитах интересны громадным количеством надписей, дающих представление о перемещениях этих племен. Однако отсутствие следов материальной культуры, спорность датировки ранних надписей и самих передвижений значительно снижают значение этого раздела. Точные сведения об истории сафаитов относятся лишь к относительно позднему времени, когда они оказались втянутыми во взаимоотношения Рима, Ирана и более выдающихся арабских племен,

¹¹ A. J a m m e, An archaic south-arabian inscription in vertical columns, BASOR, 137 (1955), стр. 37—38; A l b r i g h t, BASOR, 138(1955), стр. 50; о н ж е, BASOR, 143 (1956), стр. 10. Датировка надписи из Вади Бейхан (Катабан) по методу радиоуглерода см. G. W. van B e e k, там же, стр. 6—9.

¹² J. P i r e n n e, La Grèce et Saba, P., 1955; о н а ж е, Paléographie des inscriptions sud-arabes, I, Brussel, 1956; о н а ж е, «Le Muséon», т. 69(1956); «Syria». XXXIV(1957). См. возражения на первую работу: A l b r i g h t, BASOR, 143 (1956), прим. 4. к стр. 10; на вторую — J a m m e, BASOR, 145(1957), стр. 25—30.

¹³ См. обзор: H. W i s s m a n n, Geographische Grundlagen und Frühzeit der Geschichte Südarabien, «Saeculum», IV (1953), № 1, стр. 61—114.

¹⁴ W. P h i l l i p s, Quataban and Sheba, N. Y., 1955.

¹⁵ В Марибском храме американцы открыли более поздний «входной храм», некрополь и новую надпись. См. J. R u s k m a n s «Syria» XXX (1953), № 3-4, стр. 278—295.

причем сафаиты прославились главным образом предательством в отношении набатеев, предложив свои услуги для ликвидации Nabateйского царства.

Сафаитские надписи дали важные сведения об арабских культах, в частности, о раннем культе Аллаха (или просто «Лаха»), что имеет значение при изучении его роли в исламе. Установлено, что первоначально Мухаммед остерегался называть своего бога этим, как теперь установлено, языческим именем, а предпочитал призывать «рахмана», то есть «милосердного» вообще. Этот эпитет обычен в Nabateйском царстве, в Пальмире, а в позднее время также в южноарабских надписях; он прилагался сначала, по-видимому, к сирийскому богу Беелшамину, а позднее — возможно даже к богу христианскому.

При преобладании богов из Южной Аравии, сафаиты заимствовали также Зушара от набатеев, а Беелшамина — скорее всего от донабатейского оседлого населения Хаурана, то-есть ввели в свой пантеон богов, которым посвящены два главных храма в набатейском святилище Сейя-Си, что около Канавата.

Параграф о Риме и арабах (стр. 147слл.) относится не только к южным арабам в Сирии, но и к взаимоотношениям Рима с арабами в широком смысле, начиная с вмешательства Помпея в дела Сирии и с похода Элия Галла. Дюссо устанавливает, что захват Nabateйского царства Траяном произошел без всякого сопротивления, что весьма вероятно из-за несоразмерности сил; но дальше рисуется идиллическая картина большой выгоды, которую как набатеи, так и пальмирцы будто бы получили от римской оккупации и от постройки дороги Петра — Босра, позднее продолженной до залива Акаба на юге и до Дамаска на севере. Дюссо обходит вопрос о том, почему же ушло в полунезависимую Пальмиру такое большое число жителей Петры сразу после ее захвата «благодетелями» римлянами? И почему, как он сам доказывает (см. выше), нужно было организовать «подпольное» царство Малика III в Негебе, если так хорошо жилось набатеям при римлянах?

Далее (стр. 155) оказывается, что Герод Великий, араб по происхождению, будто бы способствовал замечательному развитию Палестины, но нигде не сказано, что Герод и последующие члены его династии были предателями своего народа и что другие народы Сирии, отданные под их власть в награду за проримскую политику, так неблагодарно отвергли всякое воспоминание об этом позорном ярме. Поневоле приходит на ум сопоставление с другими, современными «благодетелями» арабов — французами, англичанами и американцами.

Выходя за пределы своей темы, Дюссо рассказывает о деятельности арабов также и в Месопотамии. Новейшие раскопки установили в Хатре, как и в Дура-Европос, преобладание семитских имен и чисто семитский пантеон (стр. 158); к данным о семитах в Хатре, приведенным Дюссо, можно добавить, что лучшими мастерами там были отнюдь не парфяне; так, уже известно чисто семитское имя строителя большого дворца, который считается ведущим памятником будто бы «парфянской» архитектуры.

Если отбросить выпадающие из общей прогрессивной тенденции рассуждения о «благодетельной» роли римлян и об «отвращении к политике», которую у сирийцев будто бы замещали вопросы культа, то получается убедительное представление о том, как преимущественно мирное, непрерывное и постепенно осуществлявшееся стремление арабов к оседанию на землю смогло подготовить напор ислама в момент, «когда византийская и сасанидская империи проявили свое бессилие и неумение управлять Сирией» (стр. 158). Вместе с тем определяется выдающееся место в арабском пантеоне первых веков н. э. Аллаха, которого уже тогда ставили «выше неба» (стр. 161).

Однако сам Дюссо оценивает первые пять глав, о которых шла речь выше, только как способ ввести в неизменный, и, с его точки зрения, обычно мирный процесс просачивания кочевых арабских племен на земли оседлых, по большей части тоже арабских или вообще семитских народов Сирии и Месопотамии, и тем самым подготовить читателя к восприятию последней, шестой главы, которую он считает главной (стр. 171—172).

Шестая глава, посвященная евреям и Израилю, арамеям и ханаанеям, построена на личных исследованиях Дюссо в большей мере, чем предшествующие. Эти исследо-

вания уже раньше были обобщены самим Дюссо в двух монографиях: «Les origines cananéennes du sacrifice israélite» (P., 1921) и «Les découvertes de Ras-Shamra et l'ancien Testament» (P., 1937). Вторая из них рецензировалась А. Б. Рановичем на страницах ВДИ (1938, № 2, особенно стр. 152—157). Обе монографии были переизданы в 1941 г., причем следует учесть изменение по сравнению с первым изданием, ошибки которого были тогда метко подчеркнуты Рановичем. Так, во втором издании «Les découvertes de Ras-Shamra» (P., 1941) используется уже лингвистический анализ Доссена (а не Виролло, как в первом издании), и с подчеркнутой радостью признается семитский (а не хурритский и будто бы индоевропейский, как раньше) характер имен угаритского царя Никмада, его отца и других членов его семьи, а также царя Ала-лаха (Никме-Гада, стр. 29 и особенно стр. 36—40). Подчеркивается (стр. 114), что в Ханаане, накануне гиксосского нашествия на Египет, тоже не было и следа хурритской власти, а сами гиксосы, с их богами Элом, Ададом и Анат, отнюдь не являются хурритами¹⁶. Эти положения получили дальнейшее развитие в рассматриваемой монографии (стр. 172, 196, 206). Теперь Дюссо даже подчеркивает, что хурриты отнюдь не были индо-европейцами и что с III тысячелетия у них процветала шумеро-аккадская культура (стр. 172, прим. 4).

Кроме материалов, вошедших в обе переизданные монографии, Дюссо использует в последней главе еще и множество новейших данных, в частности, по древней культуре Мари, ханаано-аморрейский характер которой и датировка досаргоновским временем подтверждаются послевоенными раскопками Парро.

В отличие от преобладающего в библейской критике мнения, что еврейский язык слился с ханаанейским, и притом только после так называемого «исхода» из Египта, Дюссо видит в еврейском языке ветвь ханаанео-аморритского; раннее проявление ханаанейского культа Дюссо видит не только в Палестине, но также в досаргоновском Мари и в Угарите.

Идентификация ханаанеев с аморреями является для Дюссо аксиомой; он употребляет оба термина или вместе, или же взаимно заменяет их на протяжении всей работы (особенно стр. 128, 164, 198, 199, 201 и сл.). В появившейся недавно, уже после работы Дюссо, итальянской монографии, специально посвященной изучению древнейших семитских племен в Сирии и Палестине, Москати¹⁷ приходит к тому же выводу о равнозначности в древности понятий «аморрей» и «ханааней», а в добавлениях (стр. 30) он подтверждает свое полное согласие с позицией Дюссо как в этом вопросе, так и в вопросе о ранней (конец IV и начало III тысячелетия, стр. 197—198 у Дюссо) оседлости ханаанеев в Сирии.

Дюссо выступает также за идентификацию хабиру — еврей — Израиль; если считать, что во второй половине III тысячелетия еврей были кочевниками или полукочевниками, то наличие хабиру в войсках Рим-Сина уже не будет противоречить такой идентификации (стр. 183). Идентификация хабиру — еврей — израильтяне была принята советскими учеными¹⁸. Отчет о четвертом совещании ассириологов по проблеме хабиру свидетельствует, по мнению Парро¹⁹, об отсутствии в сегодняшней зарубежной науке достаточно четких отличий между обоими понятиями.

¹⁶ См. также R. D u s s a u d, A propos de la venue des hittites et des hourrites en Syrie, «Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung», I (1950), 1, стр. 105 слл; «Syria», XXVII (1950), стр. 144 (по поводу работы Лаведана).

¹⁷ Sab. M o s c a t i, I predecessori d'Israele, Roma, 1956, особенно стр. 128—129. Однако Москати не считает датировку храмов Дагана и Ваала началом III тысячелетия достаточным доказательством наличия уже тогда именно их культов и преобладания семитского населения. По его мнению, древние храмы могли быть посвящены этим богам позднее, в связи с изменением состава населения Угарита (стр. 130).

¹⁸ А. Р а н о в и ч, Очерк истории древнееврейской религии, М., 1937, стр. 72—75. В. В. С т р у в е, История древнего Востока², 1940, стр. 283—284.

¹⁹ А. Р а г г о t, «Syria», XXXII (1955), № 3-4, стр. 333—336 (изложение работ Баттеро и Гринберга).

В отношении арамеев Дюссо не ограничивается обычным признанием их семитского происхождения вообще. Он считает арамеев арабским племенем, которое отличалось от других арабских же племен только по языку, да и то лишь с относительно позднего времени (стр. 173, 187). При анализе Библии Дюссо обращает особое внимание на легенду об Аврааме, арамею по происхождению, старшем сыне его Исмаиле и об их потомках-кочевниках; эту легенду он считает очень старой, так как она могла быть сложена только евреями-кочевниками до их перехода к оседлости, когда они были одним из арабских племен (стр. 174). Только гораздо позднее эта легенда была переработана Израилем, чтобы отграничить себя от кочевников; однако в именах потомков Исмаила Дюссо улавливает реальные древние арабские племена и устанавливает их расселение. Так, для древнейших евреев устанавливается раннее их пребывание уже в конце IV или начале III тысячелетия не только в Негебе²⁰, но и в самом Ханаане, куда они должны были приходить после жатвы, подобно тому, как другие арабские племена приходили и продолжают приходить в наше время на поля своих сородичей, живущих оседло. Племя Иаакова-Израиля, уже тогда связанное с Ханааном — Палестиной, еще оставалось полукочевым во второй четверти II тысячелетия, о чем может свидетельствовать, по мнению Дюссо, также и стела Мернепта, где Израиль назван не «страной», как оседлые племена, а «людьми» (стр. 181). Вместе с Монте Дюссо считает, что «Рамсес» является здесь названием Таниса и Авариса, а не именем фараона, что позволяет относить связанные с «Рамсесом» события к первой половине II тысячелетия, а не к XVIII династии.

Дюссо по-прежнему признает историчность пребывания евреев в Египте, но теперь он связывает это пребывание с нашествием и властью гиксосов, в которых, как указывалось выше, он видит одних только семитов, главным образом аморреев — ханаанеев, в том числе и евреев. Легенду об Иосифе он рассматривает, как далекий и искаженный отзвук их власти над Египтом²¹. Тем самым «исход» оказывается искаженным описанием изгнания гиксосов и возвращения в Палестину племени Израиль.

Именно в описании мнимых побед возвратившегося в Ханаан Израиля археологией установлено наибольшее число нарочитых искажений. Так, в Эй (современный ат-Телль) раскопками²² установлено, что этот город Ханаана не мог быть захвачен и разрушен возвратившимся Израилем по той простой причине, что само название и состояние руин указывают на разрушение Эй многими веками раньше. При возвращении Израиля в Палестину вовсе не было того уничтожения всей предшествующей ханаанейской культуры, которым авторы Библии кичатся в своем стремлении отмежеваться от нее. Наоборот, установлено (Лодс) проникновение Израиля в ханаанейское население и их слияние, а не замена одной культуры другой; вместе с тем Дорм и Дюссо исследовали преемственность культа, которая вытекает даже из имен еврейских и финикийских богов, идущих от древнейшего арабского Эла (Элион, Элоа, Элохим; Элат в Угарите и т. д.). В отличие от старых работ Дюссо²³, теперь у Израиля времени «исхода» признается тот же языческий культ, что и у других арабских племен Мадяна; Дюссо не считает теперь монотеистом и самого Моисея (стр. 189 и 196). Таким образом, имя «Моисей» теряет свой обычный смысл и становится простым обозначением признаваемого Дюссо возвращения Израиля в Ханаан в связи с изгнанием гиксосов.

²⁰ Против первоначального заселения Негеба евреями яростно возражают археологи теологического направления, например W. F. Albright, *Archaeology and the religion of Israel*, Baltimore, 1942, стр. 60 и 99.

²¹ Ранович считал, что «у гиксов должно было сохраниться много преданий об Египте» (ук. соч., стр. 149); однако было бы непонятным, почему эти предания попали в Библию, если «гиксы не евреи, как думал Иосиф Флавий» (там же, стр. 148), и если нет указаний, что евреи входили в их состав.

²² Marquet-Kauser, ук. соч. (отзыв Дюссо в «Syria», XVII, 1936, № 4, стр. 351—352); Ранович, ук. соч., стр. 52, прим. 1.

²³ См. о них А. Ранович, ВДИ, 1938, № 2, особенно стр. 155—157.

Многократно выходя за пределы своей и без того широкой темы, Дюссо вместе с Парро предполагает заселение с начала IV тысячелетия выходцами из Аравии также и Эриду, т. е. Южного Двуречья (стр. 198). А в досаргоновском Мари середины III тысячелетия уже с несомненностью устанавливаются и семитские божества, и аморрейское (т. е. ханаанейское) население (стр. 164, 200) и, добавим мы, даже культ *бетил*'а в форме, совершенно сходной с его культом у арабов и ханаанеев, и не позднее чем в „горных местах” Гезера²⁴.

О несколько более поздней активности каких-то ханаанейских, вероятно еврейских, племен на границах Месопотамии в начале II тысячелетия могут свидетельствовать упоминания в текстах Мари времени Хаммураби о племени беньяминитов и об их начальнике, именованном *dauidûm* (стр. 182, со ссылками на Олбрайта, Доссена, Парро).

Самых аморреев-ханаанеев Дюссо считает по происхождению арабскими племенами, пришедшими с берегов Эритрейского моря, в соответствии с указанием Геродота (стр. 201 со ссылкой на Нег., I, 1 и VII, 89); Дюссо находит подтверждение этого указания и в финикийских легендах, а также и в пережитках арабских звуков в угаритском алфавите. На протяжении своего труда Дюссо несколько раз возвращается также к вопросу о сохранившихся связях Ханаана с Южной Аравией, куда ханаанеи будто бы внесли не только письменность, но и принципы каптажа и распределения воды в горных долинах (тезис Монтгомери). Первое предположение, по-видимому, получает некоторое подтверждение в древнейших надписях Катабана, более близких к ханаано-финикийским, чем первые надписи *мукарриб*'ов Сабейского государства²⁵. В решении этого вопроса могла бы сыграть большую роль ранняя датировка (XIII в.) надписи Ахирама, устанавливаемая проф. Винниковым²⁶.

Что касается принципов каптажа и распределения воды, то для решения вопроса о передаче этих знаний с севера на юг еще нужна более точная датировка древнейших гидротехнических устройств в государствах на территории Йемена, ставших уже очень совершенными при первых мукаррибах, то-есть в начале I тысячелетия до н. э. Можно надеяться, что обещанная Олбрайтом скорая публикация гидротехнических устройств и всей ирригационной системы Катабана внесет ясность и в вопрос о времени их возникновения, а тем самым — и в вопрос о возможной роли ханаанеев.

В чем же состоит коренное отличие концепции Дюссо от концепции тех многочисленных авторов, которые были принуждены, в связи с открытиями современной археологии, и раньше всего текстов Угарита, признать многостороннее сходство Израиля не только с ханаанеями и финикийцами, но также и с арабскими племенами вообще? Это отличие может быть, как нам кажется, показано на сопоставлении, например, точки зрения Дюссо с точкой зрения Олбрайта. Олбрайт, как и большинство авторов, старается сохранить как можно больше от теологического толкования Библии. Не имея уже возможности отрицать сходство между Израилем и арабскими племенами, он соглашается на их общее происхождение, но старается на протяжении своей «*Archaeology and the religion of Israel*» отыскать между ними как можно больше отличий. Так, евреев он относит к племенам, вьючным животным которых был осел. Олбрайт видит в этом коренное их отличие от арабов, которые-де пользовались верблюдом, и значит не могли, по его мнению, быть предками евреев (стр. 96—97).

Совершенно иначе, гораздо историчнее освещен этот вопрос у Дюссо: в его понимании евреи также пользовались верблюдом, как и другие арабские племена, пока они были кочевниками; но они естественно перешли к ослу, как только им удалось захватить древние города ханаанеев и стать оседлыми жителями Палестины (стр. 207).

²⁴ A. Parrot, «Syria», XXX (1953), № 3—4 стр. 202 слл., рис. 6; XXXI (1954), № 3—4, стр. 153—157, рис. 1 и табл. XIV, 1; XXXII (1955), стр. 202—211, рис. 10.

²⁵ A. Jamme, BASOR, № 137, стр. 32—37.

²⁶ И. Н. Винников. Эпитафия Ахирама, ВДИ, 1952, № 4, стр. 152; ср. A. L. B. R. I. G. H. T., *Archaeology and the religion of Israel*, стр. 40 (XI в.).

Парро тоже считает, что упоминание о верблюдах отнюдь не является анахронизмом, и поддерживает Дюссо против Олбрайта. По мнению Парро, Ревекка действительно могла принести воду для десяти верблюдов Авраама, как рассказывается в книге Бытия (XXIV, 10—11)²⁷. Ортодоксальные же библеисты считают этот рассказ анахронизмом, не отвечающим исторически возможному, так как именно здесь нежелательно для них выявляется кочевой быт бедуинского племени евреев, каким он отразился в случайно не уничтоженных сказаниях, зафиксированных в древнейших источниках Библии.

По мере того, как археология и вновь публикуемые тексты позволяют лучше выяснить расселение, быт и взаимоотношения между отдельными арабскими племенами и особенно — с аморреями-ханаанейцами, точка зрения Дюссо приобретает все большую достоверность. Только отсутствием в Йемене и Центральной Аравии раскопок, достаточно глубоких и систематических, чтобы установить их историю ранее I тысячелетия, препятствует окончательному решению вопроса.

Почему же так настаивает на этом положении знаменитый французский ученый Рене Дюссо, сделавший его доказательство — делом своей долгой и плодотворной жизни? Евреи для него — такие же ставшие оседлыми кочевники — арабы или бедуины, такие же, но только более ранние представители «проникновения арабов в Сирию до ислама», какими позднее были набатеи, сафайты, лихьяниты, пальмирцы и лахмиды, освоившие задолго до ислама не только плодородные земли Сирии, но и обширные пространства, бывшие полупустынными и пустынными ранее и вновь ставшие ими с наступлением феодализма. Особое внимание обращает Дюссо на евреев скорее всего именно потому, что ортодоксальная наука упорно, настойчиво оспаривает этот тезис, превращающий «избранный народ» в одно из арабских племен.

Здесь уместно будет напомнить об известном раннем письме к Марксу, в котором, по поводу книги священника Чарльза Фостера об исторической географии Аравии, Энгельс приходит к мысли, что евреи были «не чем иным, как мелким племенем бедуинов, которое вступило в конфликт с другими бедуинами лишь в силу местных условий, земледелия и т. д.»²⁸; а «иудейское так называемое священное писание было не чем иным, как записью древнеарабских религиозных и племенных традиций, несколько видоизмененных ранним отделением иудеев от соплеменных, но еще кочующих соседей»; его «...главное содержание было арабского или, вернее, общесемитского характера...»²⁹. Последняя работа Дюссо доказывает эти тезисы с предельной ясностью; более того, Дюссо не ограничивается смягченной формулировкой Энгельса и настаивает на арабском (а не только общесемитском) происхождении евреев и их религии.

С. А. Кауфман

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПРИНЦИПАТЕ АВГУСТА

Для ученых XIX в. проблема принципата фактически сводилась к одному вопросу — к вопросу о юридическом оформлении власти принцепса. Целью исследования была реконструкция «римской конституции». Еще сочинение Премерштейна (1937) примыкало к этой традиции. Однако в последнее десятилетие характер работ меняется. Начинается, по выражению Тибилетти, освобождение от «блистательной тирании Моммзена». Становится все более очевидным, что невозможно раскрыть сущность принципата, объясняя одни юридические понятия другими¹. Приходится признать, что

²⁷ А. Паррот, «Syria», XXXII, 1955, № 3—4, стр. 323.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 483.

²⁹ Там же, стр. 484.

¹ Характерны слова В. Эренберга (Imperium maius in the Roman republic, AJP, 74 (1953), стр. 113): «Теперь мы знаем лучше, чем при Моммзене, что издания законов и конституций еще не исчерпывают историю...».